

## ОБРАЩЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПИСЬМЕ МУЛЬТИЛИНГВА КАК СИГНАЛ ПРЕОДОЛЕНИЯ СУБСТРАТА РОДНОГО ЯЗЫКА

Чепурная Т. С.

*Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова*

Стаття присвячена аналізу звертань, що були виділені в письмовому мовленні білінгва на матеріалі приватного листування Катерини II та Г. О. Потьомкіна. Звертання розглянуто, з одного боку, як мовні універсалії, що функціонують в кожній лінгвокультурі, а з другого, як носії культурного коду.

*Ключові слова:* звертання, вокатив, білінгв, мультилінгв, міжкультурна комунікація, епістола, мовний субстрат, етикетна одиниця.

The article analyzes the vocatives that were extracted from the written speech of a bilingual in the private correspondence of Catherine II and H.O. Potyomkin. The vocatives are considered to be linguistic universals, that operate in every linguistic culture, on the one hand, and, on the other hand, as carriers of a cultural code.

*Key words:* appeal, vocative, bilingual, multilingual, intercultural communication, epistle, linguistic substrate, etiquette unit.

В эпоху смешения разных лингвокультур на территории одного государства, ввиду попытки поиска человечеством универсального языка общения и тенденций к упрощению норм речевого этикета, билингвизм и полилингвизм стали реальностью нашего времени, а изучение языковой личности в аспекте межкультурной коммуникации возводится учёными-лингвистами в ранг первоочередных проблем. Наряду с этим, немаловажным является и обращение к процессу преодоления субстрата родного языка в речи би- или мультилингва. Исследование этого процесса ещё не было предметом лингвистики, поэтому данная проблема является актуальной.

Лингво-методологические основы изучения вопросов, связанных с билингвизмом, заложил ещё В. фон Гумбольдт в работе “О мышлении и речи”, которая вышла в 1795 году. В последующих трудах учёный отмечал, что “в каждом языке заложено свое мировоззрение”. Так как восприятие и деятельность человека зависит от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено языком. “Тем же самым актом, посредством которого он создает язык, человек отдает себя в его власть: каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого он может выйти только в том случае, если вступает в другой круг” [3, с. 102]. Но выход за пределы одного “круга” и вступление в другой явление / процесс не одномоментное, а сложное, длительное, многоуровневое. Собственно проблема перехода с одной языковой системы на другую остаётся до конца не изученной.

В рамках данного доклада мы не претендуем на решение всей проблемы, но предлагаем на основе анализа языковых средств в письменной речи мультилингва проследить процесс преодоления языкового субстрата родного языка автора. Обратимся к обращениям (ОБ), так как, во-первых, обращение с момента возникновения речи представляет собой одну из самых употребительных речевых единиц в любой языковой системе и является необходимым элементом речевого контакта. А во-вторых, это своего рода языковые универсалии, функционирующие в каждой лингвокультуре, при этом они “специфично отражают национально-культурные особенности языков, неоднородны по своему составу и имеют сложное содержательное строение” [7, с. 196].

Вопрос о лингвистической природе обращения в науке о языке не имеет однозначного решения; на данную проблему нужно смотреть сквозь призму трёх основных точек зрения: в грамматике обращение рассматривается как синтаксическая фигура (А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, А. Г. Руднёв, А. Т. Абрамова, Л. А. Булаховский, Л. П. Иванова); в стилистике – как единица речевого этикета (Н. И. Формановская, О. А. Черепанова, Л. А. Глинка, В. Е. Гольдин); в семантике – как оценочно-характеризующее средство (Н. Д. Арутюнова, А. И. Серебрянников, В. И. Карасик, Т. В. Маркелова). В речи выделяют две основные функции ОБ: аппелятивная (призывная) и экспрессивная (оценочно-характеризующая). Обычно они реализуются совместно. Самостоятельно аппелятивная функция обращения характерна для официальных сфер общения (лозунги, предписания, указы). В двух совмещенных функциях обращение употребляется в обиходно-бытовой сфере, в художественно-изобразительной речи, выражая не только призыв к адресату высказывания, но и отношение говорящего.

Обратимся к рассмотрению функционирования ОБ в письменной речи мультилингва. Предметом рассуждений стали выделенные нами ОБ из текста писем и записок, датированных второй половиной 18 века и принадлежащих перу Екатерины II, которая апеллировала к своему фавориту – князю Г. А. Потёмкину.

Аргументируя выбор материала исследования, укажем, что письмо как эпистолярный жанр имеет свою специфику, свои характерные черты, диктует большую стереотипность выражений, чем устное общение, отсюда особый, свойственный именно этому жанру набор этикетных выражений, в том числе и ОБ. Анализируемые письма и записки бытового и дружеского характера служат источником для анализа единиц русского языка 18 века – периода становления его литературной нормы, являются первоисточником письменной речи царицы-немки, стремившейся говорить и писать по-русски. Письма могут также рассматриваться как средство отображения языковой картины мира автора-мультилингва и свидетельствовать о его переходе из одной культуры в другую. Их содержание является ярким примером попытки преодоления субстрата родного языка в письменной речи в процессе освоения чужого языка (в данном случае – преодоление немецкого субстрата в русской речи); рассматриваемые с точки зрения стилистически-семантического подхода ОБ, использованные в письмах, могут служить фактом подтверждения данного явления.

К числу отличительных признаков письма принадлежит диалогичность. Письмо всегда двумерно, ибо отражает связь коммуникантов – исходит от автора и ориентировано на адресата, что предполагает обмен ролями [1, с. 17]. Именно ОБ, как коммуникативная единица и в силу тех функций, которые оно призвано выполнять в общении в целом и в письменной речи в частности, является главным средством отображения этой диалогичности.

Предметом рассмотрения являются этикетные единицы, характерные для русской письменной культуры 18 века, с одной стороны, а с другой – так называемые маркеры специфики языка мультилингва, которые свидетельствуют о процессе преодоления языкового субстрата родного языка в письменной речи и репрезентируют переход мышления автора в иную культуру. Прежде всего это существительные *господин* и *сударь* – аппелятивы в широком смысле, а с точки зрения грамматики и местоположения в тексте они являются вокативами. Ввиду того, что русское поле общения было занято французской культурой, в письмах наблюдаются также французские обращения, или обращения, написанные на французском языке и бытующие в письмах в качестве иноязычных вкраплений. Такие ОБ были закреплены нормами речевого этикета данной эпохи, но, функционируя в письменной речи царицы-немки, могут соответствовать именно русской традиции бытования в эпистолах любовного характера. К ним принадлежат: *mon cher Ami*, *mon ami*, *mon bijou*.

Перейдём непосредственно к анализу заявленных нами ОБ – вокативных форм существительных *господин* и *сударь*.

Данные ОБ широко использовались в 18 веке в устном обращении, в официально-государственных письменных речевых актах и подразумевали определенный, достаточно высокий социальный статус адресата. Такие формы ОБ были заимствованы русским языком, а непосредственно слово *господин* в роли официального ОБ вошло в обиход в петровскую эпоху. Так, в речевом этикете ряда европейских стран использовались универсальные обращения: *Herr – Frau* (нем. яз), *Mister – Missis* (англ. яз), *Pan – Pani* (пол. яз), *Monsieur – Madam* (фр. яз).

Изначально в русской языковой традиции слово *господин* обозначало того, кто обладал властью. Обратимся к толковому словарю Даля:

*Господин м. встарь, употребляется безразлично вместо Господь и государь; владыка, владелец, держащая власть на месте или в доме; барин, помещик, хозяин; кому покорны чада с домочадцы и слуги, или у кого есть подвластные. Господином чествуют людей по званию, должности их, но не свойственно нам ставить слово это перед прозванием, как делают на западе (Herr, monsieur) (4).*

Нормы употребления анализируемой единицы были закреплены в “Табели о рангах” – законе от 22 января 1722 года, изданном Петром I о порядке государственной службы, соотношении чинов по старшинству, последовательности чинопроизводства. Это была таблица и разъяснительный текст: “каким образом с оными рангами каждому поступать надлежит” [9]. Армия реорганизовалась на западный манер, и в месте с этим в русском языке появлялись не только новые заимствования-номинации, но и новые формы этикетных обращений. Так, в “Табели” предписывалось младшим чинам обращаться к старшим по чину, прибавляя слово *господин*, например, *господин капитан, господин полковник*. В форме единственного числа ОБ “господин” не употреблялось самостоятельно, но только с фамилией, званием, должностью. Отметим, что в немецком языке устойчивая система обращений сформировалась еще в 17 веке, а немецкий речевой этикет позволял добавлять к немецкому варианту *Herr* ещё и имя адресата, русской традиции такая форма была чужда. В анализируемых письмах императрица – немка – обращаясь к своему фавориту, употребляла в письмах именно русскую модель обращения того времени: *господин* + чин. Например: “*Господин Генерал-Поручик и Кавалер. Вы, я чаю, столь упражнены...*”; “*Здравствуй, господин подполковник. Каково Вам после мыльни?*”; “*Гневный и Высокопревосходительный Господин Генерал Аншеф и разных орденов Кавалер. Буде Ваша глупая хандра прошла, то прошу меня уведомить...*” (5).

Но бытуя в интимно-любовном письме адресанта, который значительно выше по социальному положению, нежели собственно адресат, приведенные выше вокативы принимают окказиональный характер, отмечены ироничностью и вносят оттенок отчужденности в отношения коммуникантов, приобретая тем самым иллюкутивную силу. Отметим также, что данные ОБ занимают в тексте инициальную позицию, т. е. действуют в качестве зачина и задают тон всему речевому сообщению (акту).

Обратимся к ещё одному универсальному ОБ в письмах Екатерины II и к его дериватам. Это существительное *сударь* в его вокативной форме и производные: *сударик, сударушка, сударка*. Собственно ОБ *сударь*, как и *господин*, является своего рода универсалией, заимствованной из западноевропейских языков. С. Г. Тер-Минасова, аргументируя необходимость сравнительного изучения языков и “тем более двух культур”, приводит следующую цитату Ю. В. Бромлея: “Один и тот же элемент культуры может в одном случае выражать этническую специфику и не иметь ее в другом” [10, с. 34]. Представляется возможным применить это умозаключение и к сравнению схожих этикетных единиц в разных речевых культурах. В немецкой языковой традиции титульные официальные обращения не выступают в качестве вокативов, не имеют дополнительной коннотации, являются единицами речевого

этикета, выполняя при этом лишь фатическую функцию. В русской речи ОБ такого рода имеют дериваты, которым присуща оценочно-характеризующая функция и благодаря которым титульные ОБ становятся операторами интимно-личностных отношений коммуникантов.

В словаре Даля:

*Сударь м. сударыня ж. государь, господин, барин; более говорится в зват. падеже. В лицо, вежливо, почетно. Я, сударь, этого не могу знать. Вы, сударыня, за это на меня не гневайтесь.*

*Сударыня, перм. лихорадка. Сударыня барыня, песня. Сударик, то же, ласкат. или дружеств. Вот, сударики мои, прошу покушать, хозяйкина пирога порушить!*

*Сударик, сударчик, насмешливо либо укорно, барин, барич, кто любит судариться, барничать некстати. А ты, сударик мой, что сударничаешь? что гуляешь барином, а дела не делаешь. Сударчики белоручки. У нас сударчик есть, любовничек. Сударик мой, соколик!*

*Сударка, более укорно; любовница.*

*Синонимы и родственные слова: Сударик, сударить, сударка, сударкать, сударушка, сударынька, сударыня (4).*

Автор словаря отмечает ласкательно-дружественный характер деривата *сударик*. Такими же положительными коннотациями, иногда подкреплёнными в постпозиции прилагательным *милой*, в тексте писем обладают и ОБ *сударушка, судары(и)нька, сударка*, например: “*Сударушка, милой, безценный друг Гришутка, здравствуй...*”; “*Ко мне прийти, сударушка, не советую понеже лехко простудится можешь*”; “*Я приходила, а у тебя, сударушка, люди ходят и кашляют, и чистят*”; “*Душа милая, сударушка, люблю тебя чрезвычайно*”; “*Сударинька, милой. Здоров ли ты?*”; “*Сударка, я тебя люблю как душу*” (5). Отметим, что именно дериваты ОБ такого рода являются национально маркированными, поскольку отражают именно русскую культуру общения того времени и являются своего рода уникальными, присущими конкретному лингвокультурному обществу и не имеющими аналогов в других языках. Употребление автором-мультилингвом в письменной речи целого ряда производных синонимов от исходной формы слова свидетельствует об определённом уровне овладения изучаемым языком (в нашем случае русским), то есть о процессе перехода из одной культуры в другую.

Рассмотрим следующую категорию обращений в исследуемых нами письмах. Это французские обращения или обращения, написанные на французском языке. К ним принадлежат: *mon cher Ami, mon ami, mon bijou*.

В России 18 века, следуя западноевропейской моде, при дворе чаще звучал французский язык, нежели русский. Нормы последнего ещё не были сформированы, и он находился в так называемом переходном периоде, в периоде становления. В то время как формирование грамматического строя немецкого языка (родного языка Екатерины), как и многих других европейских языков, достигло своей завершающей фазы. Быть русским французом означало быть как все. Галльский эталон господствовал главным образом в вопросах моды и быта [6, с. 524]. Естественно, вместе с французскими нравами и вкусами распространился и французский язык. В России же французский язык не только приобрёл статус языка дворянских салонов, но также использовался и для внутрисемейного, бытового общения в аристократических кругах. К 80-м годам 18 в. русский дворянин думал и изъяснялся на французском легче и охотнее, чем на родном [6, с. 530]. “Мой отец, как и почти все образованные люди его времени, говорил более по-французски, – вспоминал князь П. А. Вяземский. – Жуковский говорил мне, что он всегда удивлялся скорости, ловкости и меткости, с которыми в разговоре отец мой переводил на русскую речь мысли и обороты, которые, видимо, слагались в голове его на французском языке” [2, с. 307].

На наш взгляд, употребление французских обращений *mon cher Ami, mon ami* в русском эпистолярном тексте как раз является именно русской традицией. Отметим, что такие обращения, написанные именно на французском языке, утрачивают в русской коммуникации

ореол романтизма и представляются обыденными в речи двух близких людей, о степени близости по обращениям такого рода сложно судить. В таких обращениях явно преобладает апеллятивная функция. Но данные слова, трансформируясь в русском языке и бытуя в нём уже в качестве “друг мой любезный”, “милый друг”, приобретают эмоционально положительные коннотации, становясь при этом национальными маркерами русской культуры и духовности.

Нами так же было отмечено, что в письмах, написанных на французском языке, либо после ОБ *mon cher Ami, mon ami*, появившихся в качестве иноязычных вкраплений в русских письмах (письмах, написанных на русском языке), употребляется в качестве ОБ местоимение во 2-ом лице мн. ч., и соответственно глагол стоит тоже во 2-ом л. мн. ч. Обращения такого рода отражают систему обращений, существовавшую в бытовой сфере того времени. В сложившейся же именно русской языковой традиции и с учетом размытости письменных норм того времени характерным было употребление формы на ты. В. И. Даль в “Толковом словаре живого великорусского языка” называет обращение на *вы* вместо *ты* “искаженной вежливостью”: “*Ты, мест. 2-го лица ед. ч. <...> Искаженная вежливость заменяет слово это множественным числом (то есть заменяет ты на вы), но у нас доселе простой человек говорит всякому ты, и Богу, и Государю...*”. И убеждает пословицей: “*Лучше по чести тыкать, чем с подвохой выкать*” (4).

Подведём итог приведённого выше анализа.

В письменной речи мультилингва ОБ, выполняя контактоустанавливающую и контактоподдерживающую функции, являются не только прагматическими операторами, но и носителями национально-культурного языкового кода и средством демонстрации национальной специфики языка.

Универсальные ОБ, заимствованные из других языков, бытуя в новой лингвокультуре и подчиняясь законам новой языковой системы, образуют дериваты, приобретают новые смыслы, коннотации. Употребление автором-мультилингвом в письменной речи целого ряда производных от исходной формы слова, свидетельствует об определённом уровне овладения изучаемым языком (в нашем случае русским).

Употребляя ОБ в своей письменной речи, автор переходит за пределы своего родного “круга”, обличая тем самым процесс преодоления субстрата родного языка.

### Литература

1. Антоненко С. В. Структура писем А. С. Пушкина: (Лингвостилистика текста) / С. В. Антоненко. – К. : Знання, 2000. – 154 с.
2. Вяземский П. А. Московское семейство старого быта // Русский архив. – 1877. – Кн. 1. – Вып. 3. – С. 305–314.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт – М. : Прогресс, 1985. – 448 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка [эл. ресурс] // <http://slovardalja.net/>
5. Екатерина II и Г. А. Потёмкин. личная переписка 1769–1791 [Подготовил В. С. Лопатин]. – М. : Наука, 1997. – 991 с.
6. Елисеева О. И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины / О. И. Елисеева. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 596 с.
7. Карасик В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М., 1992. – С. 196.
8. Москальская. О. И. История немецкого языка / О. И. Москальская. – Л. : Учпедгиз, 1959. – 277 с.
9. Табель о рангах [эл.ресурс] // <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003341475#?page=6>
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие) / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово / Slovo, 2008. – 264 с.